Master Negative Storage Number

OCI00054.11

Garshin, V. M.

Chetyre dnia na polie srazheniia

Moskva

1887

Reel: 54 Title: 11

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.11

Control Number: AEM-7548
OCLC Number : 30709464
Call Number : W 381.5917N T588k no. 2
Author : Garshin, V. M. (Vsevolod Mikhailovich), 1855-1888.
Title : Chetyre dnia na polie srazheniia : razskaz soldata s otriezannoi nogoi / V.M. Garshina.
Imprint : Moskva : Izdanie "Posrednika", 1887 (Moskva : Tip. I.D. Sytina)
Format : 34 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

ЧЕТЫРЕ ДНЯ
ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ

В. М. Гаршина.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

НА ПОЛѢ СРАЖЕНІЯ.

РАЗСКАЗЪ СОЛДАТА СЪ ОТРѢЗАННОЙ НОГОЙ.

В. М. Гаршина.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА“

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°, Пятницкая ул., соб. д.
1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 17 Марта 1886 г.

Четыре дня на полѣ сраженія.

Разсказъ солдата съ отрѣзанной ногой.

Я помню, какъ мы бѣжали по лѣсу, какъ жужжали пули, какъ падали отрываемыя ими вѣтки, какъ мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрѣлы стали чаще. Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее тамъ и сямъ. Сидоровъ, молоденькій солдатикъ первой роты („какъ онъ попалъ въ нашу цѣпь?“ мелькнуло у меня въ головѣ), вдругъ присѣлъ къ землѣ и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изо рта у него текла струя крови. Да, я это хорошо помню. Я помню также, какъ уже почти на опушкѣ, въ густыхъ кустахъ, я увидѣлъ турка. Онъ былъ огромный, толстый, а я слабый и

худой. Но я бѣжалъ прямо на него. Что-то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, огромное пролетѣло мимо; въ ушахъ зазвенѣло. „Это онъ въ меня выстрѣлилъ“, подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что-то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше. Наши кричали: ура! падали, стрѣляли. Помню, и я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, уже выйдя изъ лѣсу, на полянѣ. Вдругъ „ура“ раздалось громче, и мы всѣ сразу двинулись впередъ. То-есть не мы, а наши, потому что я остался. Мнѣ это показалось страннымъ. Еще страннѣе было то, что вдругъ все

исчезло, всѣ крики и выстрѣлы смолкли. Я не слышалъ ничего, а видѣлъ только что-то синее; должно быть, это было небо. Потомъ и оно исчезло.

Я никогда не находился въ такомъ странномъ положеніи. Я лежу, кажется, на животѣ и вижу передъ собой только маленькій кусочекъ земли. Нѣсколько травинокъ, муравей, ползущій съ одной изъ нихъ внизъ головою, какіе-то кусочки сора отъ прошлогодней травы—вотъ весь мой міръ. И вижу я его только однимъ глазомъ, потому что другой зажатъ чѣмъ то твердымъ, должно быть, вѣткою, на которую опирается моя голова. Мнѣ ужасно неловко, и я хочу, но рѣшительно не понимаю, почему не могу шевельнуться. Такъ проходитъ время. Я слышу трескъ кузнечиковъ, жужжанье пчелы.

Больше нѣтъ ничего. Наконецъ, я дѣлаю усиліе, освобождаю правую руку изъ-подъ себя и, упираясь обѣими руками о землю, хочу встать на колѣни.

Что-то острое и быстрое какъ молнія пронизываетъ все мое тѣло отъ колѣнъ къ груди и головѣ, и я снова падаю. Опять мракъ, опять ничего нѣтъ.

Я проснулся. Почему я вижу звѣзды, которыя такъ ярко свѣтятся на темносинемъ болгарскомъ небѣ? Развѣ я не въ палаткѣ? Зачѣмъ я вылѣзъ изъ нея? Я дѣлаю движеніе и ощущаю мучительную боль въ ногахъ.

Да, я раненъ въ бою. Опасно или нѣтъ? Я хватаюсь за ноги тамъ, гдѣ болитъ. И правая, и лѣвая нога покрылись заскорузлой кровью. Когда я трогаю ихъ руками, больеще сильнѣе.

Боль какъ зубная: постоянная, тянущая за душу. Въ ушахъ звонъ, голова отяжелѣла. Смутно понимаю я, что раненъ въ обѣ ноги. Что жъ это такое? Отчего меня не подняли? Неужели турки разбили насъ? Я начинаю припоминать бывшее со мной, сначала смутно, потомъ яснѣе, и вспоминаю что мы вовсе не разбиты, потому что я упалъ (этого, впрочемъ, я не помню; но помню, какъ всѣ побѣжали впередъ, а я не могъ бѣжать, и у меня осталось только что-то синее передъ глазами) — и упалъ на полянкѣ наверху холма. На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленькій командиръ. „Ребята, мы будемъ тамъ!“ закричалъ онъ намъ своимъ звонкимъ голосомъ. И мы были тамъ; значитъ, мы не разбиты... Почему же меня не подобрали? Вѣдь, здѣсь на полянкѣ открытое мѣсто, все видно. Вѣдь, навѣрно не

я одинъ лежу здѣсь. Они стрѣляли такъ часто. Нужно повернуть голову и посмотрѣть. Теперь это сдѣлать удобнѣе, потому что еще тогда, когда я, очнувшись, видѣлъ травку и муравья, ползущаго внизъ головою, я, пытаясь подняться, упалъ не въ прежнее положеніе, а перевернулся на спину. Оттого-то мнѣ и видны эти звѣзды.

Я приподнимаюсь и сажусь. Это дѣлается трудно, когда обѣ ноги перебиты. Нѣсколько разъ приходится отчаиваться; наконецъ, со слезами на глазахъ, выступившими отъ боли, я сажусь.

Надо мною — клочекъ темно-синяго неба, на которомъ горитъ большая звѣзда и нѣсколько маленькихъ; вокругъ что-то темное, высокое. Это — кусты. Я въ кустахъ; меня не нашли!

Я чувствую, какъ шевелятся корни волосъ на моей головѣ.

Однако, какъ это я очутился въ кустахъ, когда они выстрѣлили въ меня на полянкѣ? Должно быть, раненый я переползъ сюда, не помня себя отъ боли. Странно только, что теперь я не могу пошевельнуться, а тогда сумѣлъ дотащиться до этихъ кустовъ. А быть можетъ, у меня тогда была только одна рана, и другая пуля доканала меня уже здѣсь.

Большая звѣзда поблѣднѣла, нѣсколько маленькихъ исчезли. Это всходитъ луна. Какъ хорошо теперь дома!..

Какіе-то странные звуки доходятъ до меня... Какъ-будто кто-то стонетъ. Да, это — стонъ. Лежитъ-ли около меня какой нибудь такой же забытый, съ перебитыми ногами или съ пулею въ животѣ? Нѣтъ, стоны такъ близко,

а около меня, кажется, никого нѣтъ... Боже мой, да вѣдь это — я самъ! Тихіе, жалобные, стоны; неужели мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ больно? Должно быть. Только я не понимаю этой боли, потому что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ. Лучше лечь опять и уснуть, спать, спать... Только проснусь-ли я когда-нибудь? Это все равно.

Въ ту минуту, когда я собираюсь ложиться, широкая блѣдная полоса луннаго свѣта ясно озаряетъ мѣсто, гдѣ я лежу, и я вижу что-то темное и большое, лежащее шагахъ въ пяти отъ меня. Кое-гдѣ на немъ что-то блеститъ отъ луннаго свѣта. Это пуговицы или амуниція. Должно быть мертвый или раненый.

Все равно, я лягу...

Нѣтъ, не можетъ быть! Наши не ушли. Они здѣсь, они выбили турокъ и остались на этой позиціи.

Отчего же нѣтъ ни говора, ни треска костровъ? Да, вѣдь, я отъ слабости ничего не слышу Они навѣрно здѣсь.

„Помогите!! Помогите!“ кричу я.

Дикіе, безумные, хриплые вопли вырываются изъ моей груди и нѣтъ на нихъ отвѣта. Громко разносятся они въ ночномъ воздухѣ. Все остальное молчитъ. Только сверчки трещатъ попрежнему неугомонно. Луна жалобно смотритъ на меня круглымъ лицомъ.

Еслибы *онъ* былъ раненый, онъ очнулся бы отъ такого крика. Это мертвый. Нашъ или турокъ? Ахъ, Боже мой, будто не все равно? И сонъ опускается на мои воспаленные глаза.

Я лежу съ закрытыми глазами, хотя уже давно проснулся. Мнѣ не хочется открыть глаза, потому что

я чувствую сквозь закрытыя вѣки солнечный свѣтъ: если я открою вѣки, то онъ будетъ рѣзать мнѣ глаза. Да и лучше не шевелиться... Вчера (кажется это было вчера?) меня ранили; прошли сутки, пройдутъ другія, я умру. Все равно. Лучше не шевелиться. Пусть тѣло будетъ неподвижно. Какъ бы хорошо вовсе не думать, но этого нельзя сдѣлать. Мысли, воспоминанія такъ и лѣзутъ въ голову. Впрочемъ, все это не надолго, скоро конецъ. Только пропечатаютъ, что, молъ, потери наши незначительны; ранено столько-то; убитъ рядовой изъ вольноопредѣляющихся Ивановъ. Нѣтъ, и не напишутъ кто; просто скажутъ: убитъ одинъ. Одинъ рядовой, какъ та одна собаченка...

Это было давно; впрочемъ, все, вся моя жизнь, *та* жизнь, когда я не лежалъ еще здѣсь съ перебитыми

ногами, была такъ давно... Я шелъ по улицѣ; кучка народа остановила меня. Толпа стояла и молча глядѣла на что-то бѣленькое, окровавленное, жалобно визжавшее. Это была маленькая, хорошенькая собачка; вагонъ конножелѣзной дороги переѣхалъ ее. Она умирала, вотъ какъ теперь я. Какой-то дворникъ растолкалъ толпу, взялъ собачку за шиворотъ и унесъ. Толпа разошлась.

Унесетъ-ли меня кто-нибудь? Нѣтъ, лежи и умирай. А какъ хороша жизнь... Въ тотъ день (когда случилось несчастіе съ собачкой) я былъ счастливъ. Я шелъ въ какомъ-то опьяненіи, да и было отъ чего. Вы, воспоминанья, не мучьте меня! оставьте меня! Былое счастье, настоящія муки... пусть бы остались одни мученья, пусть не мучатъ меня воспоминанія о быломъ. Ахъ, тоска, тоска! Ты хуже ранъ.

Однако становится жарко. Солнце жжетъ. Я открываю глаза, вижу тѣ же кусты, то же небо, только при дневномъ освѣщеніи. А вотъ и мой сосѣдъ. Да это мертвый туркъ. Какой огромный! Я узнаю его: это тотъ самый...

Передо мною лежитъ убитый мною человѣкъ. За что я его убилъ?

Онъ лежитъ здѣсь мертвый, окровавленный. Зачѣмъ попалъ онъ сюда? Кто онъ? И у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ-ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ.

А я? И я также... Я бы даже, кажется, помѣнялся съ нимъ. Онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ ранъ, ни смертельной тоски, ни жажды. Штыкъ вошелъ

ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра, вокругъ нея кровь. *Это сдѣлалъ я.*

Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мнѣ не думалось, что и мнѣ придется убивать людей. Я больше думалъ только о томъ, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ.

Ну, и что же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскій мундиръ) — онъ виноватъ еще меньше. Прежде чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли итти, онъ не раздумывалъ и пошелъ. А можетъ быть и побоялся; если бы онъ не пошелъ, его стали бы бить палками, а то, быть можетъ, какой нибудь паша всадилъ бы въ

него пулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула до Рущука. Мы напали, онъ защищался. Но, видя, что мы, страшные люди, не боящіеся его англійскаго ружья Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькій человѣкъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце.

Чѣмъ же онъ виноватъ?

И за что я убилъ его? За что меня мучаетъ жажда? Жажда! Кто знаетъ, что значитъ это слово! Даже тогда, когда мы шли по Румыніи, дѣлая въ ужасные сорокаградусные жары переходы по пятидесяти верстъ, даже и тогда я не чувствовалъ того, что чувствую теперь. Ахъ еслибы кто-нибудь пришелъ!

Боже мой! да у него въ этой огромной флягѣ навѣрно есть вода. Но надо добраться до него. Чего это будетъ стоить! Все равно, доберусь.

Я ползу. Ноги волочатся, ослабѣвшія руки едва двигаютъ неподвижное тѣло. До трупа сажени двѣ, но для меня это хуже десятковъ верстъ. Все-таки нужно ползти. Горло горитъ, жжетъ какъ огнемъ. Да и умрешь безъ воды скорѣе.

И я ползу. Ноги цѣпляются за землю, и каждое движенье вызываетъ нестерпимую боль. Я кричу, кричу съ воплями, а все-таки ползу. Наконецъ вотъ и онъ. Вотъ фляга... въ ней есть вода, и какъ много! кажется, больше полъ-фляги. О! воды мнѣ хватитъ надолго... до самой смерти! тотъ, кого я убилъ, спасаетъ меня. Я началъ отвязывать флягу, опершись на одинъ локоть, и вдругъ, потерявъ

равновѣсіе, упалъ лицомъ на грудь своего спасителя. Отъ него уже былъ слышенъ сильный запахъ.

Я напился. Вода была тепла, но не испорчена, и притомъ ея было много. Я проживу еще нѣсколько дней. Помнится, въ какой-то книжкѣ сказано, что безъ пищи человѣкъ можетъ прожить больше недѣли, лишь бы была вода. Да, тамъ еще разсказана исторія самоубійцы, уморившаго себя голодомъ. Онъ жилъ очень долго, потому что пилъ.

Ну, и что же? Если я проживу еще дней пять, шесть, что будетъ изъ этого? Наши ушли, болгары разбѣжались. Дороги близко нѣтъ. Все равно — умирать. Только вмѣсто того, чтобы мучиться три дня, я буду мучиться недѣлю. Не лучше ли кончить? Около моего сосѣда лежитъ его ружье, отличное ан-

тлійское ружье. Стоитъ только протянуть руку; потомъ — одинъ мигъ, и конецъ. Патроны валяются тутъ же кучею. Онъ не успѣлъ выпустить всѣхъ.

Такъ кончить или — ждать? Чего? Избавленія? Смерти? Ждать, пока пріѣдутъ турки и начнутъ сдирать кожу съ моихъ раненыхъ ногъ? Лучше ужъ самому...

Нѣтъ, не нужно падать духомъ; буду бороться до конца, до послѣднихъ силъ. Вѣдь, если меня найдутъ — я спасенъ. Быть можетъ, кости не тронуты, меня вылѣчатъ. Я увижу родину, мать, Машу...

Господи, не дай имъ узнать всю правду! Пусть думаютъ, что я убитъ наповалъ. Что будетъ съ ними, когда они узнаютъ, что я мучился два, три, четыре дня!

Голова кружится; мое путешествіе къ сосѣду меня совершенно измучило.

А тутъ еще этотъ ужасный запахъ. Какъ онъ почернѣлъ... что будетъ съ нимъ завтра или послѣ завтра! И теперь я лежу здѣсь только потому, что нѣтъ силъ оттащиться. Отдохну и поползу на старое мѣсто; кстати, вѣтеръ дуетъ оттуда и будетъ относить отъ меня зловоніе.

Я лежу въ совершенномъ изнеможеніи. Солнце жжетъ мнѣ лицо и руки. Накрыться нечѣмъ. Хоть бы ночь поскорѣе: это, кажется, будетъ вторая.

Мысли путаются, я забываюсь.

Я спалъ долго, потому что когда проснулся, была уже ночь. Все попрежнему: раны болятъ, сосѣдъ лежитъ такой же огромный и неподвижный.

Я не могу не думать о немъ. Неужели я бросилъ все милое, дорогое, всѣхъ близкихъ мнѣ людей, шелъ

сюда тысячу верстъ, голодалъ, холодалъ, мучился отъ зною; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мукахъ только ради того, чтобы убить этого несчастнаго турка? А вѣдь развѣ я сдѣлалъ что-нибудь другое, кромѣ этого убійства?

Убійство, убіица... И кто же? Я!

Когда я затѣялъ итти драться, мать и Маша не отговаривали меня, хотя и плакали надо мною. Мнѣ было жалко ихъ, но, ослѣпленный, я отвлекалъ себя отъ ихъ слезъ. Я не понималъ (теперь я понялъ,) что́ я дѣлалъ съ близкими мнѣ существами.

Прошлаго не воротишь! А какъ бы хотѣлось воротить и поправить.

А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ. „Ну, юродивый! Лѣзетъ, самъ не зная чего!“ Какъ могли они говорить это, когда сами же восхва-

ляли геройство и любовь къ родинѣ и прочія такія вещи. Вѣдь они видѣли, что я добивался всѣхъ этихъ восхваляемыхъ ими доблестей, и все-таки говорили, что я — „юродивый!“

И вотъ я ѣду въ Кишиневъ; на меня навьючиваютъ ранецъ и всякія военныя принадлежности. И я иду вмѣстѣ съ тысячами, изъ которыхъ развѣ нѣсколько наберется, подобно мнѣ, идущихъ охотно.

Понесло рѣзкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Кусты зашевелились, вспорхнула полусонная птичка. Звѣзды померкли. Темносинее небо посѣрѣло. Наступалъ третій день моего мученія.

Третій.. Сколько ихъ еще осталось? Во всякомъ случаѣ немного. Я очень ослабѣлъ и, кажется, даже не смогу отодвинуться отъ трупа. Скоро мы поравняемся съ нимъ.

Нужно напиться. Буду пить три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ.

Солнце взошло. Его огромный кругъ, весь пересѣченный и раздѣленный черными вѣтвями кустовъ, красенъ какъ кровь. Сегодня будетъ, кажется, жарко. Мой сосѣдъ — что станется съ тобою? Ты и теперь ужасенъ.

Да, онъ былъ ужасенъ. Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная отъ природы, поблѣднѣла и пожелтѣла; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухомъ. Тамъ копошились черви. Ноги, затянутыя въ штиблеты, раздулись, и между крючками штиблетъ вылѣзли огромные пузыри. И весь онъ раздулся горою. Что сдѣлаетъ съ нимъ солнце сегодня?

Лежать такъ близко къ нему невы-

носимо. Я долженъ отползти во что бы то ни стало. Но смогу-ли я? Я еще могу поднять руку, открыть флягу, напиться; но могу ли передвинуть свое тяжелое, неподвижное тѣло? Все-таки буду двигаться, хоть понемногу, хоть на полъ-шага въ часъ.

Все утро проходитъ у меня въ этомъ передвиженіи. Боль сильна; но что мнѣ она теперь? Я уже забылъ, какъ здоровые себя чувствуютъ. Я даже будто привыкъ къ боли. Въ это утро я отползъ таки сажени на двѣ и очутился на прежнемъ мѣстѣ. Но я недолго пользовался свѣжимъ воздухомъ; да и какой можетъ быть свѣжій воздухъ въ шести шагахъ отъ гніющаго трупа. Вѣтеръ перемѣняется и снова наноситъ на меня зловоніе до того сильное, что меня тошнитъ. Пустой желудокъ мучительно и судорожно сокращается, всѣ внутренности пере-

ворачиваются. А зловонный, зараженный воздухъ такъ и плыветъ на меня.

Я прихожу въ отчаяніе и плачу..... плачу...., какъ маленькій ребенокъ.

Совсѣмъ разбитый, одурманенный, я лежалъ почти въ безпамятствѣ. Вдругъ... не обманъ ли это? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Да, это — говоръ. Конскій топотъ, людской говоръ. Я едва не закричалъ, но удержался. А что если это турки? Что тогда? Къ этимъ мученіямъ прибавятся еще другія, болѣе ужасныя, отъ которыхъ дыбомъ волосъ становится, даже когда о нихъ читаешь только. Сдерутъ кожу, поджарятъ раненыя ноги.. хуже нѣтъ озвѣрѣлаго человѣка. Хорошо, если еще только это; но вѣдь они изобрѣтательны. Неужели лучше кончить жизнь въ ихъ рукахъ, чѣмъ умереть здѣсь? А если это —

наши? Ахъ, эти кусты! зачѣмъ вы обросли вокругъ меня такимъ густымъ заборомъ? Ничего я не вижу сквозь нихъ; только въ одномъ мѣстѣ, будто окошко между вѣтвями, открывается мнѣ видъ вдаль, въ лощину. Тамъ, кажется, есть ручеекъ, изъ котораго мы пили передъ боемъ. Да, вотъ и огромная каменная плита, положенная въ родѣ мостика черезъ ручеекъ. Они навѣрно поѣдутъ черезъ нее. Говоръ умолкаетъ. Я не могу разслышать языка, на которомъ они говорятъ: у меня и слухъ ослабѣлъ. Господи! если это наши... Я закричу имъ; они услышатъ меня и отъ ручейка. Это лучше, чѣмъ рисковать попасть въ лапы башибузукамъ. Что жь они такъ долго не ѣдутъ? Нетерпѣніе томитъ я не замѣчаю даже запаха трупа, хотя онъ нисколько не ослабѣлъ.

И вдругъ на переходѣ черезъ ручей показываются казаки! Синіе мундиры, красные лампасы, пики. Ихъ цѣлая полусотня Впереди, на прекрасной лошади, чернобородый офицеръ. Только что полусотня перебралась черезъ ручей, онъ повернулся на сѣдлѣ всѣмъ тѣломъ назадъ и закричалъ:

„Р-ы-ы-сью, м-а-аршъ!“

— Стойте, Бога ради! стойте, помогите, братцы, помогите! — кричу я; но топотъ коней, стукъ шашекъ и шумный говоръ громче моего хрипѣнія — и меня не слышатъ!

О Боже, Боже! Я въ изнеможеніи падаю лицомъ къ землѣ и начинаю рыдать. Изъ опрокинутой мною фляжки течетъ вода — моя жизнь, мое спасенье, моя отсрочка смерти. Но я замѣчаю это уже тогда, когда воды осталось не больше поль-стакана, а остальная ушла въ сухую землю.

Я впалъ въ оцѣпенѣніе, послѣ этого ужаснаго случая. Я лежалъ неподвижно, съ полузакртыми глазами. Вѣтеръ постоянно перемѣнялся и то дулъ на меня свѣжимъ и чистымъ воздухомъ, то снова обдавалъ меня вонью. Сосѣдъ въ этотъ день сдѣлался страшнѣе всякаго описанія-. Разъ, когда я открылъ глаза, чтобы взглянуть на него, я ужаснулся. Лица у него не было. Оно сползло совсѣмъ съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная улыбка, показалась мнѣ такой отвратительной, такой ужасной, какъ никогда, хотя мнѣ случалось не разъ держать черепа въ рукахъ и препарировать цѣлыя головы. Этотъ скелетъ въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами привелъ меня въ содраганіе. „Это — война, подумалъ я. — Вотъ ея изображеніе“.

А солнце жжетъ и печетъ по-прежнему Руки и лицо у меня уже давно обожжены. Оставшуюся воду я выпилъ всю. Жажда мучила меня такъ сильно, что, рѣшившись выпить маленькій глотокъ, я залпомъ проглотилъ все. Ахъ, зачѣмъ я не закричалъ казакамъ, когда они были такъ близко отъ меня! Если бы это были и турки, все-таки лучше. Ну, мучилъ бы часъ, два, а тутъ я и не знаю еще, сколько времени придется валяться здѣсь и страдать. Мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты свои сѣдыя волосы, ударишься головою объ стѣну, будешь плакать обо мнѣ и о той злобѣ людской, которая выдумала войну на страданіе людямъ.

Но вы съ Машей, должно быть, и не услышите о моихъ мукахъ. Прощай мать, прощай моя невѣста, всѣ люди! Ахъ, какъ тяжко, горько!

Опять эта бѣленькая собачка! И зачѣмъ пошелъ я на все это. Она мучилась еще цѣлый день и окалѣла. А я несчастнѣе ея, потому что мучаюсь цѣлые три дня. Завтра — четвертый, потомъ пятый, шестой... Смерть, гдѣ ты? Иди, иди! Возьми меня!

Но смерть не приходитъ и не беретъ меня. Я долженъ жить, долженъ терпѣть. И я лежу подъ этимъ страшнымъ солнцемъ, и нѣтъ у меня глотка воды, чтобъ освѣжить воспаленное горло, и трупъ заражаетъ меня. Онъ совсѣмъ расплылся. Миріады червей падаютъ изъ него... Какъ они копошатся! Когда онъ будетъ съѣденъ, и отъ него останутся на землѣ одни кости и мундиръ, тогда настанетъ и моя очередь.

Проходитъ день, проходитъ ночь. Все тоже. Наступаетъ утро. Все тоже. Проходитъ еще день..

Кусты шевелятся и шелестятъ, точно тихо разговариваютъ. „Вотъ ты умрешь, умрешь, умрешь“, шепчутъ они. „Не увидишь, не увидишь, не увидишь!“ отвѣчаютъ кусты съ другой стороны.

— Да тутъ ихъ и не увидишь! громко раздается около меня.

Я вздрагиваю и разомъ прихожу въ себя. Изъ кустовъ глядятъ на меня добрые голубые глаза Яковлева, нашего ефрейтора

— Лопаты!—кричитъ онъ,—тутъ еще двое: нашъ да ихній!

Не надо лопатъ, не надо зарывать меня, я живъ! хочу я закричать; но только слабый стонъ выходитъ изъ запекшихся губъ.

— Господи! Да никакъ онъ живъ? Баринъ Ивановъ! Ребята! вали сюда, нашъ баринъ живъ! Да доктора зови!

Черезъ полъ-минуты мнѣ льютъ въ ротъ воду, и еще что-то. Потомъ все исчезаетъ.

Меня несутъ; носилки качаются. Это убаюкиваетъ меня. Я то проснусь, то снова забудусь. Перевязанныя раны не болятъ; какое-то невыразимо-отрадное чувство разлито во всемъ тѣлѣ...

— Сто-о-ой! Опуска-а-ай! Санитары, четвертая смѣна, маршъ! за насилки! Берись, поды-ма-ай!

Это командуетъ Петръ Иванычъ, нашъ лазаретный офицеръ, высокій, худой и очень добрый человѣкъ. Онъ такъ высокъ, что, обернувъ глаза въ его сторону, я постоянно вижу его голову съ рѣдкой длинной бородой и плечи, хотя носилки несутъ на плечахъ четыре рослые солдата.

— Петръ Ивановичъ!—шепчу я.

— Что, голубчикъ?

Петръ Иванычъ наклоняется надо мною.

— Петръ Иванычъ, что вамъ сказалъ докторъ? Скоро я умру?

— Что вы, Ивановъ, полноте! Не умрете вы. Вѣдь, у васъ всѣ кости цѣлы. Счастливо отдѣлались! Ни кости, ни жилы! Да какъ вы выжили эти трое съ половиною сутокъ? Что вы ѣли?

— Ничего.

— И не пили?

— У турка взялъ флягу. Петръ Иванычъ, я не могу теперь говорить. Послѣ.

— Ну, Господь съ вами, голубчикъ, спите себѣ.

Снова сонъ, забытье...

Я очнулся въ дивизіонномъ лазаретѣ. Надо мною стоятъ доктора, сестры милосердія, и, кромѣ нихъ, я вижу еще знакомое лицо знаменитаго петербургскаго професора, накло-

нившагося надъ моими ногами. Его руки въ крови. Онъ возится у моихъ ногъ не долго и обращается ко мнѣ:

—Ну, счастливъ вашъ Богъ, молодой человѣкъ. Живы будете. Одну ножку-то мы отъ васъ взяли: ну, да, вѣдь, это пустяки. Можете вы говорить?

Я могу говорить, и разсказываю имъ все, что здѣсь написано.

КОНЕЦЪ.

Изданія книжнаго склада „ПОСРЕДНИКЪ“.

(С.-Петербургъ, Б. Дворянская, 25).

15) Житіе св. Петра Мытаря.
16) Житіе св. Павлина Нолянскаго
1) Чѣмъ люди живы. Льва Толстого.
2) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Его же.
3) Кавказскій плѣнникъ. Его же.
4) Два старика. Его же.
5) Упустишь огонь, не потушишь. Его же.
6) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Его же.
7) Христосъ въ гостяхъ у мужика. Н. С. Лѣскова.
8) Галя. О. И. Шмидтъ.
9) Странникъ.
10) Житіе св. Филарета Милостив.
11) Францискъ Ассизскій. Е. П. Свѣшниковой.
12) Кривая доля. В. И. Савихина.
13) Сократъ.
14) ДѣдъСофронъ. В. И. Савихина
17) Свѣчка. Льва Толстого
18) Фабіола или древніе христіане.
19) Братъ на брата.
20) Іоаннъ Воинъ.
21) Царь Крезъ и др. разсказы.
22) Четыре дня на полѣ сраженія. В. М. Гаршина.
23) Жадный мужикъ. А. И. Эртеля.
24) Три сказки. Льва Толстого.
25) Первый винокуръ. Его же.
26) Сказка объ Иванѣ дуракѣ. Его же.
27) Марья кружевница. О. Н. Хмѣлевой.
28) Махмудкины дѣти. В. И. Немировичъ-Данченко
29) Бабья доля.
30) Воръ, Я. Е. Гололобова.
31) Осада Севастополя (изъ разсказовъ о Севаст. оборонѣ) Льва Толстого.

Каждая книжка съ двумя рисунками на обложкѣ.

КАРТИНЫ:

Духовнаго содержанія.

1. Искушеніе Господа нашего Іисуса Христа.
2. Страданіе Господа нашего Іисуса Христа.

Свѣтскаго содержанія.

3. Вражье лѣпко, а Божье крѣпко.
4. Два брата и золото.
5. Дѣвчонки умнѣе стариковъ.
6. Спѣсь.

Каждая картина съ соотвѣтствующимъ изложеніемъ помѣщается на листѣ размѣромъ въ 14×10 верш.

Приготовляются къ печати другія книжки и картины этого изданія.

Просятъ обращаться съ заказами и за справками непосредственно въ книжный складъ „Посредникъ“ (25, Б. Дворянская, С.-Пб.) и туда же адресовать всякую переписку по поводу этихъ изданій.

Склады изданій „ПОСРЕДНИКА“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ книжномъ складѣ „Посредникъ“, Большая Дворянская, д. № 25, Петербургская сторона. (Главный складъ, контора и редакція).

ВЪ МОСКВѢ: 1) У книгопродавца И. Д. Сытина и К°, у Ильинскихъ воротъ, д. Медынцевой, и на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.

Въ этихъ двухъ главныхъ складахъ изданія продаются въ розницу по оптовой цѣнѣ. Кромѣ того, изданія склада «Посредникъ» продаются

ВЪ МОСКВѢ: Въ редакціи журнала «Русская Мысль», Леонтьевскій пер.

ВЪ КОСТРОМѢ: У учителя Городского училища Евгенія Миліевича Никифорова.

ВЪ ПЕНЗѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. Н. Алексѣева.

ВЪ КУРСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ А. В. Перепелетенко и въ книжномъ магазинѣ Кашкина.

ВЪ КАЗАНИ: При конторѣ редакціи „Вояжскій Вѣстникъ“, Большая Лядская, д. Иванова.

ВЪ УФѢ: У Николая Александровича Шмитцъ. Казанская ул., д. Кларкъ.

ВЪ САМАРѢ: Въ книжномъ магазинѣ Н. М. Ѳедорова.

ВЪ САРАТОВѢ: Въ Приволжской книжной торговлѣ Т. Е Чернова. Никольская улица.

ВЪ ХАРЬКОВѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, коммиссіонеровъ Государственной Типографіи, Московская улица, домъ Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7.

ВЪ НОВОЧЕРКАСКѢ: Въ магазинѣ Н. И. Рѣдичкина Платовскій проспектъ, домъ Болдыревой.

ВЪ ОДЕССѢ: Славянское общество, аудиторія народныхъ чтеній, Ямская, № 66.

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ: Въ магаз. А. Ф. Родіоновой.

ВЪ ОКНѢ (Подольской губ.) У князя Анатолія Евгеніевича Гагарина.

ВЪ ТОМСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, коммиссіонеровъ Государственной Типографіи.

ВЪ ТАМБОВѢ: въ книжномъ магазинѣ И. Ф. Зотова.

ВЪ ОРЛѢ: въ редакціи «Орловскаго Вѣстника».

Маг. 36
2 р.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ, А ВЪ ПРАВДѢ.

W381.5917N-T588k

W117166